

space. Anthropological foundation of risks presented in the article with concept «ambivalent people». Investigates features of socio-philosophical and sociological discourses risks. The philosophical horizon is represented by the analysis of systemic risk. Expressing measure of the social, systemic risks appear as the substantial, institutional and communication, forming a dynamic structure of the risk society.

Key words: ambivalence, risk-taking reality, concept, substantial risk, institutional risk, communicative risk, uncertainty, risk society.

References

1. Luman N. *Die Gesellschaft der Gesellschaft*: in 10 vol. Vol. 1. Front Cover. Suhrkamp, 1997. 1164 p. (Russ. ed.: Luman N. *Obshchestvo obshchestva* : v 2 t. Moscow, 2011. Vol. 1. 640 p.)
2. *Sotsialnyy risk: mentalnye, tsennostnyye, kommunikativnyye osnovaniya* (Social risk: mental, values, communication base). Saratov, 2012. 288 p.
3. Giddens A. *The constitution of society: Outline of the theory of structuration*. Cambridge, 1984. 402 p. (Russ. ed.: *Ustroenie obshchestva: ocherk teorii strukturatsii*. Moscow, 2003. 528 p.)
4. *Obshchestvo riska I chelovek v XXI veke: alternativny I stsenarii razvitiya* (Risk Society and the man in XXI century: Alternatives and scenarios). Moscow; Saratov, 2006. 402 p.
5. *Sotsyalnoe: istoki, strukturnye profili, sovremennyye vyzovy*. Pod obshch. red. P. K. Grechko, E. M. Kurmelevoy (Social: origins, structural profiles, current challenges. Eds. P. K. Grechko, E. M. Kurmeleva). Moscow, 2009. 435 p.

УДК 141.7

УРБАНИЗМ И КОСМОПОЛИТИЗМ: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ УГОЛ ЗРЕНИЯ

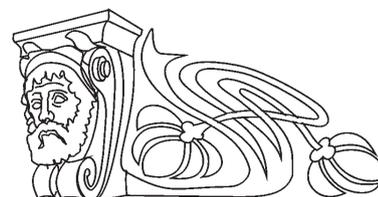
Филимонова Ольга Федоровна – доктор философских наук, профессор кафедры философии, Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю. А. E-mail: filmon-2006@yandex.ru

Теоретическая применимость идеи космополитизма, её связь с самыми существенными проблемами глобализации – миграцией, гражданством, локальной национальной политикой – сделали ее актуальной темой для теоретических подходов и авторов, стремящихся в своих космополитических программах узаконить ее в качестве идеологической универсалии. В статье исследуются теоретические ориентации и эффекты трансграничного действия космополитизации на урбанизм. Рассмотренные проблемы – намеренная оппозиционность и всевластье права человека – указывают на то, что космополитическое воззрение слишком далеко от того, чтобы обеспечить общемировое единодушие. Практическая реализация, или «насаждение» космополитизации, воплощает новый риторический подход к идее космополитизма или частное мнение западного мира и является правовой диверсией, разрушающей повсеместно преимущественные права и образ жизни городского населения, историческую природу общественного и политического университета государств.

Ключевые слова: урбанизм, глобализация, космополитизация, всевластье права человека.

DOI: 10.18500/1819-7671-2016-16-2-170-175

Есть идеи, интерес к которым в быстротечном движении лет человеческой истории не исчезает, но становится в отдельные ее периоды более значительным. Реставрация и продвижение космополитических воззрений и практик в наше время – хороший пример этой тенденции. Унифицирующую силу городского образа жизни сегодня также трудно преувеличить, поскольку

ареал урбанизации неотвратимо расширяется. Что же связывает два столь заметных явления современности?

В своей работе хотелось бы обратить внимание на два обстоятельства: первое – привлечь внимание к возросшему интересу к идее космополитизма и провести поиск объяснения смысла теоретических разработок в этом направлении; второе – поставить ряд проблем, которые социально-философской теорией обычно излагаются как трансформации городского образа жизни, и рассмотреть их в перспективе так называемой космополитизации.

Мир без границ (?)

Знаменательный ответ Диогена «Я гражданин мира» стал основанием не только для создания самого термина «космополитизм», дальнейшего его переосмысления и идеологической ассимиляции к изменяющимся социально-историческим условиям, но и посылом к дискурсу, центрированному на известный фразеологический оборот «Ubi bene, ibi patria» – смысловую квинтэссенцию космополитической установки. При современном взгляде эти выразительные афористические максимы в совокупности образуют убедительный довод для тех, кто, измеряя собственную жизнь в формате безопасности или волеизъявления, направленного на лучшие условия индивидуального существования, нис-

проверяет смысл всяких ограничений. А если принять во внимание тот самый непатриотичный акцент, что характерен для космополитической риторики, то он представляется выражением изменений в значении правовой сопричастности гражданской и территориальной общности как следствия изгнания или эмиграции, трансграничной профессиональной деятельности или банального бродяжничества. Обозревая подобные стратегии под видом гибких средств достижения лучшей жизни, можно поверить в то, что сегодня некоторые люди живут в большей мере без границ, нежели другие.

Глобализация и космополитизация

Реставрация идей космополитического учения небезосновательна, поскольку связана с процессом глобализации, который в широком размахе его современного понимания отражает планетарный подход. Но как понятие глобализация возвращает нас к исходному функциональному течению мысли, утверждающему, что сегодня социальные взаимодействия протекают в режиме продолжающейся модернизации и международной взаимозависимости. Эффекты известны: снижение роли национальных государств и правительств, соединение национальных экономик в общемировую систему посредством инструментов управления, коммуникации и обмена (внешней торговли, инвестиций транснациональных корпораций, миграций, технологий, неправительственных организаций, моделей образа жизни и т.п.) – и отражают в целом неукротимый дух современности. Более того, глобализация означает, что различные типы интеграции, возникающие благодаря распространению и расширению разного рода сетей, выстраиваются всеохватно на основе ценностных универсалий – правил, принципов, процедур, регулирующих трансграничную деятельность. Именно в таком формализующем тренде вновь стали популярными те классические космополитические идеи, которые отводили ограниченную роль государству, местному праву и нормам жизни (киннки, стоики, И. Кант и другие просветители и правозащитники). Сегодня они продолжают пленять воображение наших современников, и здесь интересен не только сам факт преданности учению, но то, как оно толкуется в ассимилировавших его концептах и инициативных проектах.

Современные глобализующие миссии, такие как глобальная этика (Г. Кюнг, М. Нуссбаум), общая «этика ответственности» (Г. Йонас), «коммуникативная» этика (Ю. Хабермас, К.-О. Апель), глобальное гражданство (Д. Урри), декларации религиозного экуменизма, Всеобщая декларация прав человека, здесь же пикантная идея мировой

конституции (Р. М. Хатчинс) и мирового правительства (М. Адлер, Ж. Маритен) и др., в сущности, образуют корпус программ космополитической направленности. Так или иначе все они пытаются убедить, что человечество должно или уже готово принять эту идеологическую универсалию. Исчерпывающе в этом смысле высказался У. Бек, в его работе «Космополитическое мировоззрение», написанной с большим воодушевлением, можно встретить знакомые черты вышеупомянутых программ [1]. Оставаясь в духе этих манифестаций, он привлекает внимание к тому обстоятельству, что выбор статуса чужака (негражданина) не бывает добровольным, и потому предлагает исходить из практического уровня космополитизма – космополитизации, определяя ее как «насаждение» космополитизма. Ему важно убедить в очевидности того, что космополитизация обладает той же степенью реальности, что и глобализация, более того, что обе они представляют собой два имплицитующих друг друга взаимосвязанных принципа, чье соответствие намечено повседневной действительностью. Такое схождение Бек усмотрел, с одной стороны, в процессе «между де- и ренационализацией, между де- и ретнизацией, между де- и релокализацией общества и политики», с другой – в проблемах глобального уровня (угрозах и рисках), которые как бы являются частью нашего каждодневного опыта и имеют место уже здесь и сейчас [1, с. 142]. Для него это становится основанием объяснения, почему ключевые понятия и вопросы образа жизни (питание, производство, память, страх, власть и т.д.) больше нельзя осмысливать и сводить к локальному уровню, и именно это позволяет ему позиционировать космополитизацию в значении «внутренней глобализации». Как неопровержимый довод в пользу того, что «космополитическими стали сами обстоятельства человеческого бытия», профессор Бек приводит опыт Мюнхена, на территориях которого сосредоточилось местное и неместное, свое и чуждое, национальное и смешанное, самым ощутимым образом демонстрируя известный принцип «и то, и другое» [1, с. 15].

Сегодня уже очевидно, что закономерным следствием такой внутренней глобализации становится возникновение многоликих обществ и гражданств смешанной культуры. Для хода жизни города проблема оборачивается тем, что, развиваясь изнутри, космополитизация переопределяет историческую природу его общественного и политического универсума, трансформирует повседневное сознание и идентичность. Если брать суть дела, то под всем этим комплексом индикаторов мыслится радикальное перефор-

матирование городского мира, где границы продолжают не только формировать человеческие судьбы, но раз за разом их расформировывать. Приходится задаваться вопросом, не является ли этот процесс пограничной неустойчивости уже необратимым, потому что симптомы, отмеченные У. Беком, кажется, так явственны, что невольно возникает чувство сомнения: не наступило ли то состояние, когда человечество (или его европейская часть) действительно готово жить в космополитическом универсуме?

*Урбанизм и космополитизация:
стратегия универсализма*

Итак, если вопросы *modus vivendi* проникли в язык дискуссий по глобальным проектам, то, как мы могли видеть, это не случайно. Кроме того, если принять во внимание европоцентристские наклонности, то в ориентации на космополитизацию просматривается, скорее, политический проект, нежели реальное положение дел, и для этого есть основания. Космополитизм – давняя философская идея и постоянная идеологическая составляющая европейской истории государственности, права и этики, а город – с преимущественными правами и образом жизни населения – его порождающая и подпитывающая среда. Нет необходимости доказывать, что современный урбанизм (прежде всего способ жизни городского населения западного мира) не равнозначен своему традиционному или индустриальному типу, систему известных показателей которого обозначил в 1940-е гг. Л. Вирт. Как неотъемлемая черта модернизации и развивающееся в своем унифицирующем воздействии явление, урбанизированное общество демонстрирует на контрасте далеко идущих изменений новые грани своих специфических характеристик. Сегодня его модель отличается глобальным распространением, представляет собой новый тип организации пространства и времени, людей и вещей.

В своих способностях к метаморфозам урбанизм не тождествен сам себе: одновременно универсальный и переменный, он является очевидной частью структуры различных культур (истории, идеологии, институциональных норм, ценностей) и в этом смысле выступает выразителем мировоззренческих состояний. Именно через идею города находит свое воплощение универсалистское кредо всеобщности, всемирности – *urbi et orbi*. Именно через понятие *modus vivendi*, которое означает не только образ жизни или условия существования, но также временное соглашение (спорящих сторон), обрели своеобразную форму европейское правовое сознание и система городского права. Скрупулезное со-

блюдение и уважение его норм распространялось как на членов одной общины, или города, так и на peregrinos (иностранцев). Этот принцип «гражданского права» (*jus gentium*) наиболее полно раскрылся в идее *humanitas*. В дальнейшем «гуманистические» ориентации XVIII и XIX вв. «лишь восприняли и развили под лозунгом десакрализации древнюю концепцию римского *pietas*» – чувства социальной связанности, солидарности, уважения [2, с. 101].

В такой перспективе космополитизм – идея равного масштаба. Ее резонанс в истории оказался весьма значительным. Доктрины киников были признаны во всех городах эллинистической цивилизации, они вдохновляли философов и христианских монахов, реформаторов, просветителей и революционных мыслителей нового и новейшего времени. Вне христианского космополитизма и его унифицирующей ориентации на вселенскую семью народов появление европейских городов также труднопредставимо. Вот и сегодня, настаивая на пиетете идеи *humanitas*, т.е. признании единства человеческого рода, космополитическая идиома несет образ человечества, который призван стать регулятивным принципом в повсеместном распространении социальных феноменов модерна – защита идеи плюрализма, следование одинаковым, считающимся рациональными, правилам жизни, абстрагирование от особенностей ценностно-нормативной культуры традиционных модальностей существования. И это, без сомнения, уже имеет место.

Попробуем идентифицировать эффекты космополитизации, практическая реализация (или, по Беку, «насаждение») которой, на наш взгляд, выражает новый риторический подход к идее космополитизма и, в сущности, является правовой диверсией, разрушающей повсеместно преимущественные права и образ жизни городского населения.

Намеренная оппозиционность. Беглый взгляд на историю философии показывает, что космополитические идеи всегда выступали в качестве революционирующего фермента радикальных социальных сдвигов. Уже в киническом космополитизме нет ни оправдания действительности, ни примирения с ней, но есть особо сильная ненависть и враждебность по отношению к полису, смелость и бунтарский дух. Это отчасти можно понять: ведь киники были негрыки (неполноправные рабы, изгнанники, иностранцы), а, как известно, не своего не жаль. Их мечтания о лучшем мироустройстве были зыбкой социальной утопией, но своим сокрушающим отрицанием законов, обычаев, государственных форм и структур они расша-

тывали существующие устои, расчищали дорогу неизвестному будущему. С другой стороны, идеи их стали наиболее ранним указанием на то, как в моменты глубоких общественных кризисов человеческий разум, преодолевая местную ограниченность взглядов (политес), стремится стать универсальным (космополитес).

Вопрос заключается в том, не фланкирует ли космополитес принцип *humanitas*, неприкрыто демонстрируя свой «взрывной» потенциал, когда он протестует преимущественно «против апроприации индивидуализации» (А. Турэн) или, например, во имя благополучия и счастья индивида, его права выбирать тот способ существования, который для него более всего пригоден (Эпикур)? Примеров много – от ораторствующих интеллектуалов и диссидентов до индивидуального жеста несогласия и циничной аффектации бунтаря-одиночки (журналиста, актёра, политика, бизнесмена, бездомного или бродяги), т.е. всего того, что само по себе либо непривычно, радикально, либо неприлично, грубо и нагло, но совершается публично. Антисфен говорил о себе: «Я борец» [3, с. 122], но если припомнить, то киники призывали не к реальной политической свободе, а к независимости от всего того, что порабощает человека, того, что не есть подлинная свобода (богатство, слава, удовольствия, страх смерти и т. д.). И все же, будучи мощным в разрушении, интеллектуальный вызов киников был немощен в созидании, а если это и было созидание, то созидание разрушения. В наши дни, как и прежде, публичные интеллектуалы тоже занимают позиции борцов, нередко становясь лидерами модных ныне протестных движений или правозащитниками, т.е. адаптаторами космополитизма. Любопытно мнение Р. Коллинза, который считает, что наиболее распространенным является тип внесистемного мыслителя-оппозиционера, рассчитывающего на общественную популярность своих идей. Он рассматривает подобную деятельность как ритуализированную демонстрацию моральной вовлеченности в жизнь общества, которая в большей степени выражает собственную идентичность интеллектуала в пределах его языка и манеры мировосприятия, чем является актом практической политики [4, с. 109].

Несмотря на типологические различия, судя по всему, любая форма оппозиционности сегодня твердо стремится заявить, что время единогласия и единодушия (*homonoia*) миновало. Без сомнения, подобные эксцессы мятежного сознания требуют непреклонной энергии, фанатичной последовательности ума, большой власти над собою, ибо всякое уклонение от общей нормы нуждается в известной решимости, внутренней

силе (а город всегда уважал силу). В этой борьбе идей имеется большое количество смысла и явная направленность, значение которых вполне может прояснить теза американского историка права Г. Дж. Бермана. Отмечая, что важным элементом всех великих успешных революций западной истории является апокалиптическое видение будущего, он обращает внимание на то обстоятельство, что цели и послышки этих революций были одновременно безграничны и конечны, их задачи не только универсальны и неограниченны, но в то же время определены и ограничены. Но главное, все они были хорошо организованы и политически изошрённы [5, с. 41]. О том, что концентрация сознания общественных масс на радикальном способе решения проблем принадлежит умственным усилиям умелых ораторов, лишней раз упоминать излишне. И все же, сравнивая, к примеру, общее состояние коллективного сознания предреволюционной России, как оно отражено русской религиозно-философской и литературной критикой, с общим ходом развития западных революций, нельзя не понимать, что ведь были те, кто потрудился над тем, чтобы «ни одной-то собственной идеи не осталось ни у кого в голове» (Ф. Достоевский). Тогда следует еще спросить, не выходит ли индивидуальная воля за границы своего права в таком случае? Например, в качестве незаконной (ангажированной извне) силы, применяемой против власти, для отрицания существующего государственного порядка, для искажения ценностей и норм образа жизни народа. Ведь, как отмечает Берман, термин «революция» используется не только применительно к начальным насильственным действиям, с помощью которых вводится новая система. Он применяется ко всему периоду, необходимому для укоренения этой системы – новые формы правления, общественно-экономические и правовые структуры, новые воззрения на историю и новые системы универсальных ценностей и убеждений [5, с. 36]. Следовательно, оппозиционная борьба идей не может быть изолирована от представлений о полном изменении общества, однако именно политическое проявление этой борьбы, в которой совпадают власть и убеждения, материальное и духовное, придает ей особую силу и направленность. Не потому ли подобные акты подпадают под разные оценочные критерии граждан и даже имеют негативный рейтинг у народа, воспринимаются как вызов общественному или политическому укладу?

Принципиальный характер отмеченных явлений и поставленных вопросов в немалой степени связан с гигантской миграционной волной, спровоцированной глобальной экономической

мотивацией и политикой. Ментальный шок, переживаемый ныне в тесном пространстве европейского города, требует какого-то убедительного идеологического оправдания, и здесь, видимо, будет прав У. Бек, предупреждая, что «космополитическое мировоззрение должно учитывать дилеммы – как мечты, так и кошмары» [1, с. 66]. Тогда вновь возникает вопрос: насколько широким будет интервал между мечтой и кошмаром? Надо полагать, что их пограничное стояние открывает ходы для весьма опасных композиций. Исходя из своего идеала о благополучной жизни индивида, западный город исторически выработал общий знаменатель своего устройства, и не является откровением то, что его правовая модель слишком далека от урбанистического опыта, скажем, азиатских или африканских народов. Сегодня эту жесткую дихотомию усугубляет реальная возможность экспорта образа жизни, который со временем может стать определяющим на территориях европейских городов, поскольку переселенцы всегда оказывали воздействие на облик тех мест, куда они прибывали. Городской мир западной ойкумены оказался перед угрозой существенного сокращения достигнутого благоденствия, приблизившись к черте, когда гуманистический пафос правового самосознания может собрать под революционные лозунги самые разнообразные формы и средства неудовлетворенности существованием. Ведь «крик киника» – не только желание быть услышанным, «не только глас возмущения и протеста, но и вопль бессилия и отчаяния» [3, с. 39]. В этой связи возникают определенные ассоциации. Возможно, что эти конфликты могут стать настоящим эквивалентом очередной крупномасштабной войны – кровопролитной и с большим количеством жертв. Однако беря во внимание их национальный характер, мысль больше склоняется к тому, что они могут облечься в иные убийственные или самоубийственные формы. Было время, когда в Римской империи пленников и опасных врагов не казнили сразу, а отправляли для участия в гладиаторских играх. Прагматическая ценность подобной тактики в том, что она «доставляла людям радость тем, что оптом уничтожала их врагов – и какой триумф мог быть более утонченным?» [6, с. 94].

Всевластие права человека. Печатью всех великих революций западной истории является то, что они облачают свои концепции радикальной новизны в одежды отдаленного прошлого, например, старинного юридического авторитета, древнего религиозного текста, образца древней цивилизации и т.п. Иначе говоря, идея реставрации, положенная в основу этих переворотов, есть возврат, поворот (и в этом смысле – революция), с одной стороны, к более раннему начальному

моменту, с другой – к динамичной концепции будущего. Более того, этот идеологический упор на традицию предполагает технологию сокрытия ближайшего прошлого и возврата к прошлому более раннему, идеи которого интерпретируются таким образом, чтобы они соответствовали новой политической программе, однако если отдельные моменты прошлого, текстов, юридических правил встают на пути нового проекта, их исключают [5, с. 117]. Именно в этой прагматике идеологической комбинаторики иллюстративна концепция космополитического мировоззрения У. Бека: возврат к давней идее, что все люди – космополиты, граждане одной цитадели (Космоса) независимо от их социального происхождения и географического местонахождения – есть лишь одно из подтверждений предыдущей тезы. Старое понятие «космополис» У. Бек сливает с обновленной идеей права человека, желая представить этот симбиоз ценностью высшего порядка. По аналогии с декларацией стоиков об однородности города и Вселенной он призывает видеть в человечестве и отдельных обществах (государствах) неразрывную пару (полис), придающую друг другу устойчивость через универсалию – всеобщую декларацию прав человека. Этот концепт правового всевластия человека, по всей видимости, и следует понимать как мощную защиту, цитадель. Немецкий профессор жестко настаивает на максиме: космополитизация, т.е. «программа принудительного обучения открытости миру» есть единственный путь, способный обеспечить возможность всем жить индивидуально и коллективно одновременно [1, с. 152]. Какую систематическую форму может принять такой «экстаз человечности», это «сведение небес на землю» (Ф. Достоевский), это санкционированное «обучение»? Каков эффект адаптации подобного потенциала воображения к реальности?

Разумеется, город все еще остается местом действия политики гражданства, давая нам понимание, что мы принадлежим тому, что именуется государством. Однако пробы «обучать» космополитизации явственно создали немало проблем, прежде всего, уничтожив наши представления о легитимности границ. Размыт политико-юридический статус национальной принадлежности, что обеспечило различным субъектам право получения нового и дополнительного гражданства (двойного, тройного), тем самым увеличивая для подобных космополитов возможности гибких маневров, уклоняющихся от локальных ограничений. Подвергнуто переоценке право на труд: деление национального «космоса» в антитезе «свой–чужой» происходит по критерию социальной благонадежности и экономической успешно-

сти (отказ от «своего», пусть даже недостойного). Космополитизация подорвала наиндивидуалистический пафос государства-нации: из разряда всеобщих целей исключены задача «полной занятости» и идеал неуклонного роста благосостояния граждан; индивиду предоставлена свобода самому определять свои жизненные приоритеты (видимо, по-кинически – «жизнь по природе»). Например, продвигая идею разделения государства и общества, П. Козловски твердо уверен и пытается убедить всех в том, что узаконенное стремление к коллективной защищенности, принципиальный отказ от образа жизни, чреватого риском, не отвечает моральным критериям и ведет к разрушению индивидуальной свободы [7, с. 291–292]. Наконец, сведение концепции национальной уникальности культуры (неоднородность по духу) к общему знаменателю биологической однородности (человечество) походит на попытку упростить существующую во всей своей сложности экзистенциальную картину обществ и, в частности, урбанизированной общности. Такой биологический фокус пробуждает внутривидовую борьбу, которая по известным мотивам всегда носила истребительный характер. Поэтому в космополитизации отчетливо просматривается насильственная, действующая под прессом надуманной необходимости технология, не пренебрегающая грубой деформацией и унификацией: с одной стороны, дробление на уровне тел, индивидуальных волей, с другой – всесмешение (blend). Такая телесно-душевная суммарность даже не «плавильный тигель», но, как хорошо подмечено, *salat bowl*, *multitude*, или еще более точно – скрепленный плюрализмом сугубо внешних атрибутов «космополитический гомункул» (С. Булгаков). Соответственно, предпочтение абстракции универсальности праву локальности создает ограничения, обещающие быть непреодолимыми. Не лучше ли жить хотя бы с чуть большей патриотичностью – *Ubi patria, vita bene* – в границах смысла, предложенного Джеймсом Джойсом.

Список литературы

1. Бек У. Космополитическое мировоззрение. М., 2008. 336 с.
2. Элиаде М. История веры и религиозных идей : в 3 т. Т. 2. От Гаутамы Будды до триумфа христианства. М., 2002. 512 с.
3. Нахов И. М. Философия киников. М., 1982. 224 с.
4. Коллинз Р. Кто являлся успешным публичным интеллектуалом? // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11. Социология : реферативный журнал. М., 2012. № 3. С. 104–109.
5. Берман Г. Дж. Западная традиция права : эпоха формирования. М., 1998. 624 с.
6. Кифер О. Сексуальная жизнь в Древнем Риме. М., 2003. 431 с.
7. Козловски П. Общество и государство : неизбежный дуализм. М., 1998. 368 с.

Urbanism and Cosmopolitanism: Social and Philosophical Point of View

O. F. Filimonova

Yuri Gagarin State Technical University of Saratov
77, Politekhnikeskaya str., Saratov, 410054, Russia
E-mail: filmon-2006@yandex.ru

Theoretical applicability of the idea of cosmopolitanism, its connection with the most significant problems of globalization, such as migration, citizenship, local national policy, have made it an actual theme for theoretical approaches and authors striving to legitimate it as an ideological universalium in their cosmopolitical programmes. This article studies theoretical orientation and effects of transverse influence of cosmopolitization upon urbanism. The discussed problems viz. premeditated opposition and absolute power of the human's right, indicate that cosmopolitical view is too far from providing of the whole world unanimity. Practical realization or propagation of cosmopolitization incarnates a new rhetorical approach to the idea of cosmopolitanism or the private opinion of the western world and is a legal diversion that everywhere ruins the primary rights and lifestyle of the urban population, historical nature of social and political universum of States.

Key words: urbanism, globalization, cosmopolitization, absolute power of the human's right.

References

1. Beck U. *Cosmopolitan vision*. Cambridge, 2006. 311 p. (Russ. ed.: Beck U. *Kosmopoliticheskoye mirovozzreniye*. Moscow, 2008. 336 p.)
2. Eliade M. *Histoire des croyances et des idées religieuses: in 3 vol. Vol. 2. De Gautama Bouddha au triomphe du christianisme*. Paris, 1978. 512 s. (Russ. ed.: Eliade M. *Istoriya very i religioznykh idey: v 3 t. T. 2. Ot Gautamy Buddhy do triumfa khristianstva*. Moscow, 2002. 512 p.)
3. Nakhov I. M. *Filosofiya kinikov* (Philosophy of cynics). Moscow, 1982. 224 p.
4. Collins R. *Who has been a successful public intellectual?* European Journal of Social Theory, November 2011, vol. 14, no. 4, pp. 437–452 (Russ. ed.: Collins R. *Kto yavlyals'ya uspeshnym publichnym intellektualom? Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Ser. 11. Sotsiologiya: referativniy jurnal*. 2012, no. 3, pp. 105–110).
5. Berman H. J. *Law and Revolution. The Formation of the Western Legal Tradition*. Cambridge; Massachusetts; London, 1993. 624 p. (Russ. ed.: Berman H. J. *Zapadnaya traditsiya prava: epokha formirovaniya*. Moscow, 1998. 624 p.)
6. Kiefer O. *Sexual life in Ancient Rome*. Routledge; London, 2001. 400 p. (Russ. ed.: Kiefer O. *Sexualnaya zhizn v Drevnem Rime*. Moscow, 2003. 431 p.)
7. Koslowski P. *Gesellschaft und Staat: ein unvermeidlicher Dualismus*. Stuttgart, 1982. 368 S. (Russ. ed.: Kozlowski P. *Obschestvo i gosudarstvo: neizbezhniy dualizm*. Moscow, 1998. 368 p.)